

АРТЁМ ДРАБКИН

Я ДРАЛСЯ
НА ТАНКЕ

ФРОНТОВАЯ ПРАВДА ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКСМО»
2015

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д72

Драбкин, Артем Владимирович.
Д72 Я дрался на танке. Фронтовая правда Победителей /
Артем Драбкин. — Москва : Яуза : Эксмо, 2015. — 352 с. —
(Артем Драбкин. Только бестселлеры!).

ISBN 978-5-699-79995-4

Продолжение супербестселлера «Я дрался на Т-34», разошедшегося рекордными тиражами. Фронтовая правда Победителей, сломавших хребет Панцерваффе. Воспоминания танкистов Великой Отечественной, воевавших на самых разных машинах — от легких Т-37 и БТ до ленд-лизовских «Матильд» и «Шерманов», от легендарных «тридцатьчетверок» до тяжелых штурмовых ИСов.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-79995-4

© Драбкин А., 2015
© ООО «Издательство «Яуза», 2015
© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ЛОЗА Дмитрий Федорович

— Дмитрий Федорович, на каких американских танках вы воевали?

— На «Шерманах», мы их звали «Эмчи» — от М4. Сначала на них была короткая пушка, а потом стали приходиться с длинной пушкой и дульным тормозом. На лобовом листе у них была установлена подпорка для фиксации ствола во время марша. В общем, машина была хорошая, но, как у всякой машины, были свои плюсы и минусы. Когда мне говорят, вот, мол, плохой был танк, я отвечаю: извините! Так нельзя говорить. Плохой по отношению к какому?

— Дмитрий Федорович, у вас в части были только американские машины?

— Моя 6-я танковая армия воевала на Украине, в Румынии, в Венгрии, Чехословакии и Австрии. А потом нас перебросили на Дальний Восток, и мы воевали против Японии. Я коротко напомню, что армия состояла из двух корпусов: 5-го гвардейского танкового Сталинградского корпуса на наших Т-34 и 5-го механизированного корпуса, где я воевал. После Кишиневской операции наш корпус стал 9-м гвардейским. Каждый корпус состоял из четырех бригад: в нашем мехкорпусе было три мехбригады и одна танковая бригада, где я воевал, а в танковом корпусе было три танковые бригады и одна мотострелковая. До 1943 года в этом корпусе были английские танки: «Матильды» и «Валентайны». А после 1943 года

наши совсем отказались от этих танков, потому что очень большие недостатки у них были. В частности, на тонну веса приходилось где-то 12 — 14 л.с., а в то время считалось для хорошего танка иметь 18 — 20 л.с. Из этих трех танков лучшим был «Валентайн» канадского производства. Броня наклонная, а главное то, что на нем стояла 57-мм длинноствольная пушка. Так вот, с конца 1943 года мы перешли на американские «Шерманы».

— Но английские танки не изымали, они воевали до своего конца, то есть был период, когда ваш корпус имел смешанную матчасть — и английскую и американскую. Возникали ли дополнительные проблемы в связи с наличием такой широкой номенклатуры машин разных стран? Например, со снабжением, ремонтом?

— Ну, проблемы были всегда, тут сложно сказать. Вообще, «Матильда» — такой говенный танк, просто невероятно! Я хочу остановиться на одном недостатке «Матильды», который нам очень мешал. Какая-то дурная голова в Генштабе спланировала операцию, и наш корпус бросили под Ельню, Смоленск, Рославль. Там отвратительная местность — лесисто-болотистая. А у «Матильды» фальшборта, танк-то разрабатывался в основном для действий в пустыне. В пустыне хорошо — песок высыпается, а у нас грязь забивалась в ходовую между гусеницей и фальшбортом. У «Матильды» коробка перемены передач (КПП) была с сервомеханизмом для легкости переключения передач. В наших условиях она оказалась слабой, постоянно перегревалась и выходила из строя. Англичанам хорошо, у них уже тогда, в 1943-м, был агрегатный ремонт, то есть сломалась КПП, ты четыре болта отвернул, коробку долой, новую поставил и поехал. А у нас так не всегда получалось. У меня в батальоне был старшина Нестеров, бывший колхозник-тракторист, в должности батальонного механика.

Вообще, в каждой роте был механик, а этот был для всего батальона. Еще у нас в корпусе был представитель английской фирмы, которая производила эти танки, вот фамилию забыл. Она была у меня записана, но, после того как меня подбили, все у меня в танке сгорело, и фотографии, и документы, и записная книжка. На фронте запрещалось вести записи, но я вел потихоньку. Так вот, представитель фирмы постоянно мешал нам ремонтировать отдельные узлы танка. Говорил: «Здесь заводская пломба, ковырять нельзя!» То есть выбрасывай агрегат и ставь новый. А нам что делать? Нам танк чинить надо. Нестеров у нас ремонтировал все эти коробки передач запросто. Представитель фирмы раз подошел к Нестерову: «Ты в каком университете учился?», а Нестеров отвечает: «В колхозном».

«Шерман» был гораздо лучше в этом плане. А вы знаете, что одним из конструкторов «Шермана» был русский инженер Тимошенко? Это какой-то дальний родственник маршала С.К.Тимошенко.

Конечно, у «Шермана» были свои недостатки. Самым большим недостатком было высокое расположение центра тяжести, и танк часто опрокидывался на бок, как матрешка. Вот благодаря этому недостатку я, возможно, и остался жив. Воевали мы в Венгрии в декабре 1944 года. Веду я батальон, и на повороте мой механик-водитель ударил машину о пешеходный бордюр, и танк мой перевернулся. Конечно, мы покалечились, но остались живы. А остальные четыре моих танка прошли вперед, и там их подожгли.

**— Дмитрий Федорович, у «Шермана» была рези-
но-металлическая гусеница. Некоторые современ-
ные авторы указывают на это как на недостаток, по-
скольку в бою резина могла выгореть, тогда гусени-**

ца разваливалась и танк останавливался. Что вы можете сказать по этому поводу?

— С одной стороны, такая гусеница — это большой плюс. Во-первых, у такой гусеницы срок службы вдвое больше обычной, стальной, гусеницы. Боюсь ошибиться, но, по-моему, срок службы траков Т-34 был 2500 километров. Срок службы траков у «Шермана» был свыше 5000 километров. Во-вторых, «Шерман» по шоссе идет как автомобиль, а наш Т-34 так гроыхает — его за черт знает сколько километров слышно! Что же было отрицательного? В моей книге есть очерк, называется «Босоногие». Там я описал случай, произошедший с нами в августе 1944 года в Румынии во время Яссо-Кишиневской операции. Жара стояла страшная, где-то градусов 30. В сутки мы проходили до 100 километров по шоссе. Резиновые бандажки на катках разогревались настолько, что резина расплавлялась и отлетала метровыми ошметками. И недалеко от Бухареста наш корпус встал: резина облетела, катки стало заклинивать, шел ужасный скрежет, и в итоге мы остановились. Об этом было срочно доложено в Москву: шутка ли? Такое ЧП, весь корпус встал! Но новые катки нам привезли очень быстро, и мы три дня их меняли. Уж не знаю, где они смогли найти столько катков за такое короткое время? Еще один минус резиновой гусеницы: даже при небольшой гололеде танк становился как корова на льду. Тогда нам приходилось обвязывать гусеницы проволокой, цепями, забивать туда болты, чтоб хоть как-то можно было ездить. Но это было с первой партией танков. Увидев это, американский представитель сообщил об этом на фирму, и уже следующая партия танков пришла с дополнительным комплектом траков с грунтозацепами и шипами. Грунтозацепов было, по-моему, по семь штук на гусеницу, то есть всего 14 штук на танк. Они лежали в ящике ЗИП. Вообще у американцев работа была поставлена четко, всякий недостаток, что замечался, устранялся очень оперативно.

Еще один недостаток «Шермана» — конструкция люка механика-водителя. У «Шерманов» первых партий этот люк, расположенный в крыше корпуса, просто откидывался вверх-вбок. Часто механик-водитель его открывал и высовывал голову, чтобы лучше видно было. Так у нас были случаи, когда при повороте башни пушкой задевали за этот люк и он, падая, сворачивал шею водителю. Один или два случая таких у нас было. Потом этот недостаток устранили. Теперь люк приподнимался и просто сдвигался в сторону, как на современных танках.

У «Шермана» ведущее колесо было спереди, то есть через весь танк шел карданный вал от двигателя к КПП. У тридцатьчетверки все это стояло рядом.

Еще один большой плюс у «Шермана» заключался в зарядке аккумуляторов. На нашей тридцатьчетверке для зарядки аккумулятора нужно было гонять двигатель на полную мощность, все 500 лошадей вводить. А у «Шермана» в боевом отделении стоял зарядный бензиновый движок, маленький, как мотоциклетный. Завел его — и он тебе зарядил аккумулятор. Для нас это было великое дело!

Уже после войны я долгое время искал ответ на один вопрос. Если загорался Т-34, то мы старались от него отбежать подальше, хотя это запрещалось. Боекомплект взрывался. Некоторое время, месяца полтора, я воевал на Т-34 под Смоленском. Подбили командира одной из рот нашего батальона. Экипаж выскочил из танка, но отбежать не смог, потому что немцы зажали их пулеметным огнем. Они залегли там, в гречиху, и в это время танк взорвался. К вечеру, когда бой затих, мы подошли к ним. Смотрю, он лежит, а кусок брони размозжил ему голову. А вот «Шерман» сгорал, но снаряды не взрывались. Почему так?

Однажды на Украине был такой случай. Меня временно поставили на должность начальника артснабжения батальона. Подбили наш танк. Мы выпрыгнули из него, а немцы зажали нас плотным минометным огнем. Мы

залезли под танк. А танк загорелся. Вот мы лежим, и некуда нам деться. А куда? В поле? Там чистое поле, немцы на высоте все простреливают из пулеметов и минометов. Лежим. Уже в спину жар печет: танк горит. Мы думаем, ну все! Сейчас бабахнет, и тут будет братская могила. Слышим, в башне бум-бум-бум! Ага, это броневой вышибает из гильз: они же унитарные были. Вот сейчас огонь доберется до осколочных и так ахнет! Но ничего не случилось. Почему так? Почему наши осколочные рвутся, а американские нет? Если кратко, то оказалось, что у американцев более чистое взрывчатое вещество, а у нас был какой-то компонент, увеличивавший силу взрыва в полтора раза, при этом увеличивая риск взрыва боеприпаса.

— *Считается достоинством то, что «Шерман» изнутри был очень хорошо выкрашен. Так ли это?*

— Хорошо — это не то слово! Прекрасно! Для нас тогда это было нечто. Как сейчас говорят — евроремонт! Это была какая-то евроквартира! Во-первых, прекрасно покрашено. Во-вторых, сиденья удобные, обтянуты были каким-то замечательным особым кожзаменителем. Если танк твой повредило, то стоило буквально на несколько минут оставить танк без присмотра, как пехота весь кожзаменитель обрезала, потому что из него шили замечательные сапоги! Просто загляденье!

— *Дмитрий Федорович, как вы относились к немцам? Как к фашистам и захватчикам или нет?*

— Когда перед тобой с оружием в руках и когда стоит вопрос кто кого, то отношение было только одно. Враг. Как только немец бросил оружие или взяли его в плен, то отношение совсем другое. Я в Германии не был, я уже сказал, где я воевал. В Венгрии был такой случай. Была у нас немецкая трофейная «летучка». Мы колонной провалились ночью к немцам в тыл. Едем по шоссе, а наша

«летучка» отстала. А тут к нам пристроилась точно такая же «летучка» с немцами. Потом, через какое-то время, колонна остановилась. Я иду, проверяю колонну обычным порядком: «Все в порядке?» — все в порядке. Подхожу к последней машине, спрашиваю: «Саша, все в порядке?», а оттуда «Was?» Что такое? Немцы! Я сразу прыгнул в сторону и кричу: «Немцы!» Мы окружили их. Там был водитель и еще двое. Обезоружили их, а тут и наша «летучка» подкатывает. Я говорю: «Саша, где же ты был?», он отвечает: «А мы заблудились». — «Ну вот, — говорю, — тебе еще одна такая «летучка»!»

Так что, пока у него оружие — он мне враг, а безоружный, он такой же человек.

— ***То есть не было такой ненависти?***

— Нет, конечно. Мы же понимали, что они такие же люди, многие такие же подневольные.

— ***А как у вас складывались отношения с мирным населением?***

— Когда в марте 1944 года 2-й Украинский фронт вышел на границу с Румынией, то мы остановились, и с марта до августа месяца фронт был стабильный. По законам военного времени все мирное население из прифронтовой полосы 100 километров должно быть выселено. А люди уже посадили огороды. А тут по радио им объявили о выселении, наутро подали транспорт. Молдаване со слезами хватаются за голову — как же так? Бросить хозяйство! А когда вернутся, что тут останется? Но эвакуировали их. Так что контакта с местным населением никакого не было. А тогда я еще был начальником артснабжения батальона. Командир бригады меня вызывает и говорит: «Лоза, ты крестьянин?» Я говорю: «Да, крестьянин». — «Ну а раз так, то назначаю тебя бригадиром! Чтобы все огороды были прополоты, все росло и так далее. И не дай бог, чтоб хоть один огурец сорвали!

Чтоб ничего не трогали. Если вам нужно, то сажайте для себя сами». Были организованы бригады, в моей бригаде было 25 человек. Все лето мы ухаживали за огородами, а осенью, когда войска ушли, то нам сказали пригласить председателя колхоза, представителей, и мы им все эти поля и огороды сдали по акту. Когда вернулась хозяйка того дома, где я жил, то сразу побежала на огород и... остолбенела. А там — и тыквы огромные, и помидоры, и арбузы... Она бегом вернулась, упала мне в ноги и стала целовать мои сапоги: «Сыночек! Так мы ж думали, что тут все пустое, разбитое. А оказалось, что у нас все есть, осталось только собрать!» Вот вам пример, как мы относились к своему населению.

В войну медицина работала хорошо, но был случай, за что медиков следовало бы просто повесить! Ребята, Румыния тогда была просто венерическая клоака во всей Европе! Там ходила поговорка: «Если есть 100 лей, то имей хоть королей!» Когда нам попадались в плен немцы, то у них у каждого в кармане было по несколько презервативов, штук по пять-десять. Наши политрабники агитировали: «Вот видите! Это у них, чтоб насиловать наших женщин!» А немцы были поумней нас и понимали, что такое болезнь. А наши медики хоть бы предупредили про эти болезни! И хотя мы прошли сквозь Румынию быстро, вспышка венерических болезней у нас была страшная. Вообще в армии было два госпиталя: хирургический и ДЛР (для легко раненных). Так вынуждены были венерическое отделение открыть, хотя по штату это не было предусмотрено.

А вот как мы относились к венгерскому населению. Когда мы вошли в октябре 1944 года в Венгрию, мы увидели практически пустые населенные пункты. Бывало, заходишь в дом, плита горит, на ней что-то варится, а ни одного человека в доме нет. Я помню, в каком-то городе, на стене дома висел гигантский транспарант, где нарисован русский солдат, грызущий ребенка. То есть они были так сильно запуганы, что там, где они могли убе-

гать — убегали! Бросали все свое хозяйство. А потом, с течением времени, они стали понимать, что все это чушь и пропаганда, стали возвращаться.

Я помню, стояли мы в северной Венгрии, на границе с Чехословакией. Тогда я был уже начальником штаба батальона. Утром мне докладывают: тут одна мадьярка ночью ходит в сарай. А у нас в армии были контрразведчики. Смершевцы. Причем в танковых войсках смершевец был в каждом танковом батальоне, а в пехоте только начиная от полка и выше. Я говорю своему смершевцу, ну-ка, давай туда! Они в сарае пошуровали. Нашли молодую девушку, лет 18 — 19. Вытащили ее оттуда, а она уже вся в струпьях, простужена. Эта мадьярка в слезы, думала, сейчас мы эту девушку будем насиловать. «Дура, да никто ее и пальцем не тронет! Наоборот, мы ее вылечим». Отвели девушку в батальонный медпункт. Вылечили. Так она потом к нам постоянно ходила, больше времени у нас проводила, чем дома. Когда я через двадцать лет после войны оказался в Венгрии, то встретил ее. Такая красивая дивчина! Она уже замуж вышла, дети пошли.

— Получается, не было у вас эксцессов с местным населением?

— Нет, не было. Вот один раз мне нужно было проехать куда-то в Венгрии. Взяли проводником одного мадьяра, чтобы не заблудиться — страна-то чужая. Сделал он свое дело, мы ему денег дали, консервов дали и отпустили.

— В вашей книге написано, что с января 1944 года в 233-й танковой бригаде «Шерманы» М4А2 были вооружены не короткими 75-мм, а длинноствольными 76-мм пушками. Для января 1944 года это слишком рано, такие танки появились позднее. Еще

раз разъясните, какими пушками были вооружены «Шерманы» в 233-й ТБр?

— Не знаю, у нас «Шерманов» с короткоствольными пушками было мало. Очень мало. В основном — с длинноствольными пушками. Не только наша бригада воевала на «Шерманах», может, в других бригадах были? Где-то в корпусе я видел такие танки, но у нас были танки с длинной пушкой.

— Дмитрий Федорович, в каждом «Шермане», приходившем в СССР, было личное оружие для экипажа: автоматы Томпсона. Я читал, что это оружие уворовывалось тыловыми частями и до танкистов практически не доходило. Какое оружие было у вас: американское или советское?

— В каждом «Шермане» было два автомата Томпсона. Калибр 11,43 мм — здоровый такой патрон! Но автомат был дрянной. Было у нас несколько случаев. Ребята на спор надевали на себя пару ватников, отходили, в них стреляли, и в ватниках эта пуля застревала. Вот такой был автомат говенный. Вот немецкий автомат со складным прикладом мы любили за компактность. А «Томпсон» здоровый — в танке с ним не развернешься.

— На «Шерманах» стояли зенитные пулеметы. Ими часто пользовались?

— Не знаю почему, но одна партия танков приходила с пулеметами, а другая — без них. Этот пулемет мы использовали и против самолетов, и против наземных целей. Против самолетов использовали нечасто, потому что немцы тоже не дураки были: бомбили либо с высоты, либо с крутого пике. Пулемет хорош был на 400 — 600 метров. А немцы бомбили, наверное, метров с 800 и выше. Он бомбу кинул и быстро ушел, попробуй его, собаку, сбей! Так что использовали, но не было это эффективно. Мы даже пушку использовали против са-

молетов: ставишь танк на склон холмика и стреляешь. Но общее впечатление — пулемет хороший. Эти пулеметы нам очень помогли в войне с Японией — против смертников. Стреляли так много, что пулеметы раскалялись и начинали плеваться. У меня до сих пор в голове сидит осколок от зенитного пулемета.

— В своей книге вы пишете о бое за Тыновку частей 5-го мехкорпуса. Вы пишете, что бой был 26 января 1944 года. Тут товарищ раскопал немецкие карты, судя по которым 26 января 1944 года Тыновка находилась в советских руках. Кроме того, товарищ раскопал немецкое разведдонесение, основанное на допросе советского лейтенанта из истребительно-противотанкового дивизиона 359-й СД, который показал, что в Тыновке стоят советские Т-34 и американские средние танки, а также несколько КВ, закамуфлированных соломой. Товарищ спрашивает, не могла ли произойти ошибка с датой, он говорит, что неделей ранее Тыновка действительно была в немецких руках?

— Очень может быть. Ребята, там такая каша была! Обстановка менялась не по дням, а по часам. Мы окружили Корсунь-Шевченковскую группировку немцев, они стали прорываться, с внешнего кольца немцы тоже по нас ударили, чтоб помочь вырваться из кольца своим. Бои были такие тяжелые, что за одни сутки Тыновка несколько раз переходила из рук в руки.

— Вы пишете, что 29 января 5-й мехкорпус продвигался на запад для поддержки частей 1-го Украинского фронта, сдерживавших немецкое контрнаступление. Через несколько дней мехкорпус оказался в районе Винограда. Следовательно, 1 февраля он оказался на пути основного удара немецких 16-й и 17-й танковых дивизий 3-го танково-

го корпуса. Этот удар наносился из района Русаков-ка — Новая Гребля на север и северо-восток. За несколько дней немцы овладели Виноградом, Тыновкой, форсировали реку Гнилой Тикич и достигли Антоновки. Не могли бы вы описать роль мехкорпуса в развернувшемся сражении?

— Мы окружили немцев, замкнули котел, и нас тут же бросили на внешний фронт окружения. Погода была ужасная, днем непролазная грязь: спрыгнул с танка в грязь, так было легче вытащить тебя из сапог, чем твои сапоги из грязи. А ночью ударял морозец, и грязь смерзлась. Вот по такой грязи нас кинули на внешний фронт. Танков у нас оставалось очень мало, чтоб создать видимость силы, ночью мы зажгли фары на танках, автомашинах, двинулись вперед и всем корпусом встали в оборону. Немцы решили, что в оборону зарылось много наших войск. На самом деле корпус был укомплектован танками к тому моменту процентов на тридцать. Бои были настолько тяжелыми, что оружие раскалялось, порой пули даже оплавливались, ты стреляешь, а они плюхаются в грязь в сотне метров от тебя. Немцы рвались уже обезумевшие, им терять было нечего. Небольшими группами им все же удавалось прорываться.

— Наносили ли немецкие самолеты ощутимый урон матчасти? Что вы можете сказать о «Хеншеле» HE-129?

— Не всякий раз, но бывало. «Хеншель» не помню, может, и был такой. Иногда удавалось от бомб уворачиваться. Бомбу ведь видно, как она летит. Открывали люки, высовывали голову и говорили своему водителю, скажем: «Бомба рвется впереди». Но вообще были случаи, когда поджигали танки. Потери не превышали 3 — 5 танков на батальон. Часто поджигали один танк. Гораздо больше нам доставалось в населенных пунктах от

фаустпатронников. В Венгрии, помню, я как-то до того устал, что сказал своему заместителю: веди батальон ты, а я посплю. И я заснул прямо в боевом отделении «Шермана». Под Бельцем нам сбрасывали боеприпасы с самолетов на парашютах. Мы взяли себе один парашют. Вот на нем я и уснул. Парашют из шелка, а в шелке вши не заводятся. И я так крепко уснул! И вдруг проснулся. Почему? От тишины проснулся. Что такое, почему тишина? Оказывается, налетели самолеты, сожгли два танка. Во время марша на танке много чего навалено, ящики, брезент. Вот и подожгли два танка. Батальон остановился, двигатели заглушили, и стало тихо. И я проснулся.

— Запирали ли вы люки во время боев в городе?

— Мы запирали люки обязательно. Я о таком приказе ничего не слышал. Вот у меня, когда я в Вену ворвался, нас забрасывали гранатами с верхних этажей зданий. Я приказал загнать все танки в арки домов и мостов. А свой танк вынужден был время от времени выводить на открытое место, чтоб расправить штырьевую антенну и дать сеанс связи с командованием. Вот раз так получилось, что радист и механик-водитель возились внутри танка, а люк оставили открытым. И сверху кто-то бросил в люк гранату. И на спине у радиста она разорвалась. Оба погибли. Так что в городе мы люки закрывали обязательно.

— Основной поражающей силой кумулятивных боеприпасов, к которым относились и фаустпатроны, является высокое давление в танке, поражающее экипаж. Если люки держать приоткрытыми, то появлялся шанс уцелеть.

— Это верно, но люки мы все равно держали закрытыми. Может, в других частях было по-другому. Все же фаустники били в первую очередь по двигателю. Танк